Творения
преподобного
Симеона
Нового Богослова
слова и гимны
книга
третья

Симеон Новый Богослов

Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга третья

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639065
Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга третья.: Сибирская Благозвонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-353-9

Аннотация

В истории христианства третьим духовным писателем, к имени которого придано поименование Богослов, является преподобный Симеон Новый Богослов. Святой отец поучениями устными, а позднее и письменными проповедовал свой личный опыт сокровенного общения с Господом. Русские православные люди познакомились с творениями Симеона Нового Богослова благодаря переводческим трудам епископа Феофана Затворника, который ценил святого отца за то, что… «преподобный внушает ревность к внутренней благодатной жизни… И все у него так ясно излагается, что беспрекословно покоряет ум». В третью книгу преподобного Симеона Нового Богослова вошли «Слова» с восемьдесят второго по девяносто второе, перевод которых сделал епископ Феофан Затворник, и шестьдесят «Божественных

гимнов», перевод которых завершился другими переводчиками в середине XX века. Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Творения преподобного Симеона Нового Богослова 5
Слово восемьдесят второе 6
Слово восемьдесят третье 33
Слово восемьдесят четвертое 52
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Симеон Новый Богослов, преподобный Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга третья

Творения преподобного Симеона Нового Богослова

В переводе с новогреческого, на который были они переведены высокопреподобным Дионисием Зогреем, подвизавшимся на пустынном острове Пипери, лежащем против Афонской горы, и напечатаны в Венеции в 1790 году.

Слово восемьдесят второе

1. О животворном умертвии.

2. О том, что стяжание добродетелей покупается кровию.

3. Какие обиталища добродетелей?

4. Кто не восходит в Царствие Небесное должным порядком, тот не войдет в него.

5. В совершенных качествуют радость и веселие, а не слезы.

6. И внутрь их текут реки богословия.

7. Не следует принимать предстоятельство над народом без удостоверения благодати Божией.

8. В чем главное дело тех, кои имеют предстояние над народом, и как разумные овцы должны быть пасомы пастырями?

1. Не всякий, слышащий о животворном умертвии о Христе Иисусе, Боге нашем, и о дивном действии, какое бывает от него всегда в совершенных добродетелью и ведением, уже и знает, что оно такое, хотя и кажется ему, что он то знает. Знают его только те, которые самым делом ясно поняли сказанное святым апостолом Павлом слово: *время прекращено есть прочее, да и имущии жены, якоже не имущии будут, и плачущиися, якоже не плачущии, и радующиися, якоже не*

радующеся, и купующии, якоже не содержаще, и требующии мира сего, яко не требующе. Преходит бо образ мира сего (1 Кор. 7, 29–31). И еще: *яко умирающе, и се, живи есмы, яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9, 10). Не пробегай этих слов просто, как ни попало, думая, что сразу понял уже сокрытую в них силу, но представь, возлюбленне, поточнее внутреннее состояние души твоей, и я от видимых вещей введу тебя в узрение значения сказанного; только внимай добре тому, что буду говорить. Кто умер и лежит мертвый, тот не чувствует ничего из видимых вещей. Кто ничего не имеет, тот всего лишен, во всем имеет нужду и всего желает. И опять, кто всем обладает, тот чего еще другого из вещей мира мог бы пожелать? Ибо он имеет уже все и не осталось ничего, что пожелал бы он приобрести. Но блажен, кто взыскал сего делом, и понял, и увидел, и изучил то опытом, ибо эти слова – не пустые слова. Ибо как на дорогах и полях находятся по местам домы, города, царские палаты, так и на пути, ведущем в Царствие Небесное, находятся, в своих им местах, заповеди Божий и добродетели.

2. И вот я хочу раскрыть сколько могу, что говорится о заповедях Божиих и о добродетелях – об этих видимых (на пути в Царствие) зданиях, как они велики и как прекрасны. Впрочем, читающий о сем как может по одним словам уразуметь и представить эти вещи? Никак не может. Если же и представить не может, то как может стяжать какие-либо из них, тем паче, когда они стяжеваются покупкою за извест-

ную плату? То же, что дать надобно, чтоб купить их, не золото есть и не серебро, а кровь. Каждый желающий из нас покупает их, одну за другою, кровию своею. И воистину, если кто не предаст себя на заклание, как овча, за каждую даже малейшую добродетель и не прольет крови своей за нее, тот не стяжет ее никогда. Так Бог, в экономии Своей, положил, чтобы мы покупали вечную жизнь произвольною смертью. Не хочешь умереть произвольною смертью и жить вечною жизнью? И вот ты мертв.

3. Но посмотрим, какие и каковы суть обиталища добродетелей, за которые всякий должен пролить кровь свою, чтоб стяжать их? Первое такое обиталище есть блаженное смирение, как сказал Христос Господь: блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное. Желающий войти в сие обиталище смирения, а через него и в Царство Небесное, если не предаст себя прежде на заклание, как овча, связанное по рукам и ногам, и на принесение себя в жертву руками всякого, кто захотел бы заклать его, и если не умрет совершенною смертью, чрез умерщвление воли своей – никогда не войдет в него и не стяжет его. Если же этого не стяжет, не стяжет и никакого другого. Ибо тому, кто оставит эту добродетель, невозможно будет успеть ни в какой другой. Господь положил, чтобы добродетели следовали одна за другою в своем порядке и постепенно. Представь в уме своем, что добродетели в жизни людей являются, как некие острова посреди моря, отделенные один от другого водою, но соединен-

ные посредством мостов и состоящие таким образом во взаимной связи. Первая из этих добродетелей есть блаженное см^єниє, в которое вошедший западною дверью посредством покаяния и пробывший в нем довольное время выходит восточною дверью и, перешедши затем чрез мост, вступает в обиталище плача, а после того, как пробудет и там довольно времени, омоется, очистится и облечется в благообразие плача, перебегает и оттуда в жаждалище и алкалище правды, то есть в алчбу и жажду всякой добродетели. Потом идет он в палату милостивости и благоутробия и, перешедши чрез нее или, лучше сказать, углубляясь паче и паче внутрь его, обретает царскую сокровищницу чистоты, в которую вступив, узревает невидимого Царя славы, седящего внутрь его. Палата эта есть тело, царская сокровищница – душа, с которою когда соединится Бог ради исполнения заповедей Его, делает ее всю Божественным светом и богом через единение с Собою и благодать Свою. И только всякий, проходящий означенным путем добродетелей, приходит в сие боголепное состояние. Вступить в это шествие с другой стороны или минуя то или другое обиталище, искусственным некиим способом перебраться в дальнейшее совершенно невозможно. Именно так, как сказано, определил входить в Царство Небесное Владыка Христос – и быть сему иначе никак невозможно. Если пределы моря пребывают неподвижными и морю нет возможности выступить из них, не тем ли паче сохранится неподвижным и неизменным то, чему быть так, а не иначе

определил Господь в деле нашего спасения?

4. По другому сравнению, восхождение тех, которые подвизаются взойти на небо, подобно восхождению по лествице, имеющей обычно ступени. Здесь то – чтоб один возревновал о восхождении паче других и скорее взошел по лествице, перегнав их – есть наше дело, дело произволения каждого. Но то, чтобы начинать не с первой ступени и потом восходить с одной на другую по порядку, в каком они положены, а минуя первую прямо ступить на вторую или третью, совсем невозможно для людей. И те, которые покушаются отступать от такого порядка восхождения, трудятся напрасно. И еще: как невозможно взойти в верхние жилья без лествицы или войти в царский внутреннейший покой, туда, где занимается и принимает своих царь, не прошедши прежде передней, так невозможно войти и в Царствие Небесное тому, кто не идет путем добродетелей по порядку, нами указанному. Такие шествуют вне царского пути и находятся в прелести, сами того не замечая.

Молитва. Но, о Господи! Ты Путеуказатель заблуждшим и незаблудный Путь грядущим к Тебе, возврати (с распутий) всех нас, приведи к лествице, возводящей к Тебе, и всесильною рукою Твоею поруководи нас начать восхождение по ней. Даруй нам силу подняться с земли и ступить на первую ступень, так чтоб мы сознали, что положили начало восхождению и поднялись немножко от земли. Ибо прежде нам подобает взойти немного к Тебе, чтоб Ты много нис-

шел к нам, Благий Владыко наш, и соединился с нами. Покажи нам, Господи, внешнюю дверь в Царствие Твое, чтобы нам толкать в нее с терпением, пока не отверзется она ради произвольной смерти нашей, чтобы когда, вошедши в сени, станем мы толкать в каждую внутреннюю дверь и отверзать их одну за другою, и Ты, многоблагоутробный и многомилостивый Боже, слыша наши стенательные воззвания и наши в грудь ударения, скорее снисшел к нам с верхних покоев Твоих, так чтобы мы услышали ступания всепречистых ног Твоих и уразумели, что Ты отверзаешь двери, сущие между нами и Тобою, которые заключены для нас, грешных, и, пришедши к нам, вопросил: кто ударяет здесь в двери? Мы же, отвечая с плачем и рыданием, сказали со страхом и радостью: это мы, Владыко, мы, недостойные, бедные, отверженные и непотребные рабы Твои; мы, ходившие доселе по распутиям и блуждавшие по горам, дебрям и пропастям; мы, по глупости своей осквернившие Святое Крещение; мы, не соблюдшие данных нами обещаний; мы, убегшие от Тебя и самовольно перешедшие ко врагу Твоему и наветнику душ наших. Теперь же, вспомнив о Твоем человеколюбии и Твоей благости, убежали мы от него с большим трудом и к Тебе притекли с великим страхом и трепетом. Прости убо нас, Владыко всяческих, и не прогневайся на нас, но умилосердись и сжалься над нами, грешными. Отверзи нам, Господи, и не помяни беззаконий наших и нашей неблагодарности. Услыши нас, рабов Твоих, чтобы, возмалодушествовав,

не возвратились мы вспять, ибо много уже времени мы стоим здесь и толцем и прежде много потрудились, толкая во внешние двери Царства Твоего. Сжалься убо над нами и отверзи нам, Господи, естеством человеколюбивый. Если, отверзая мало-помалу, Ты отверзешь нам наконец совсем двери милости Твоея, кто, увидев Тебя, не вострепещет? Кто не падет пред Тобою со страхом и трепетом и не взыщет милости Твоея? Кто, видя, как Ты, имеющий окрест Себя мириады мириад Ангелов и тысячи тысяч Архангелов, Тронов и Властей, оставил всех их там, горе, и снисшел к нам, отворил нам двери, сретил нас и принял с радушием, падши на выи наши и облобызав нас. Кто, говорю, видя сие, не станет вне себя от изумления, не сделается будто мертвым, не истает и не разольется как вода и с костьми своими? Кто не будет день и ночь плакать, помышляя о бездне человеколюбия Твоего и Твоей благости и видя славу и светлоблистание лица Твоего? Буди слава Тебе, уДомостроительствовавшему сие тако! Буди честь и слава Тебе, благоволившему быть видимым нами и вступить в живое общение с нами! Буди слава Тебе, по великому благоутробию Своему, открывающемуся и являющемуся нам, тогда как по естеству Ты невидим для самых Ангелов! Буди слава Тебе за неизглаголанную милость, по коей благоволишь Ты вселяться и ходить в нас ради нашего покаяния! О величие славы неизъяснимое! О преизобилие любви! Содержащий всяческая вселяется в человека тленного и смертного, так что все в нем тогда соблюдается силою Бога,

в нем обитающего! О чудо изумительное – и дела, и тайны недомыслимые Бога непостижимого! Человек смертный сознательно носит в себе, как свет, Бога, создавшего всяческая и самого сего человека, который носит Его – носит внутрь себя как сокровище невыразимое, неизглаголанное, бескачественное, бесколичественное, безвидное, безвещественное, бесформенное, оформленное лишь красотой неизреченною, предивною и всепростою, как Свет – такой, который выше всякого света! И такой человек, сосредоточиваясь весь в себе, вращается, однако ж, среди нас, не будучи никем познаваем из тех, которые имеют с ним сношение!

5. И кто в состоянии описать радость, исполняющую такого человека? И есть ли что другое, что возможно бы было пожелать такому? Какого царя не блаженнее и не славнее он? Какого мира или скольких миров не богаче? И в чем бы мог он иногда недостаточествовать? Поистине невозможно ему недостаточествовать в каком-либо благе, которое от Бога.

Но ты, брате, сподобившийся соделаться таковым – ты, имеющий обитающим внутрь себя всего Бога, добре внимай, чтобы не сделать и не сказать чего-либо недостойного святой воли Его; иначе Он тотчас удалится от тебя и ты потеряешь сокровище, сокрытое внутрь тебя. Почти Его, сколько можешь, и не вноси внутрь обиталища Его ничего, Ему неблагоугодного и чуждого естеству Его, чтоб Он не прогневался на тебя и не убежал, оставя тебя пустым. Не многословь пред Ним и не обращай к Нему прошений без благоговейной со-

бранности. Не помышляй в себе и не говори: дай-ка покажу я Ему преобильную теплоту и превеликую ревность любви, да приимет Он доброе мое произволение и да познает, как люблю я Его и чту; потому что, прежде чем подумаешь ты так, Он уже знает помышления твои и ничего нет сокрытого от Него. Не покусись еще удержать Его мысленными руками, ибо Он неухватим, и как только ты дерзнешь ухватить Его или подумаешь только удержать Его – уже не найдешь внутрь себя ничего. Он тотчас удалится от тебя и станет неощутим для тебя.

Тогда если, сокрушаясь, томя и бия себя, станешь ты каяться и плакать много, то не получишь никакой пользы. Истинно так, ибо Он есть радость и не согласен входить в дом, где печалятся и скорбят, как и люботрудная пчела не терпит места, наполненного дымом. Но если благоустроишь себя беспопечением и преданностью в волю Его, то Он опять обретется внутрь тебя. Оставь тогда Владыку своего безмятежно почить в душе твоей, как на одре некоем, и не начинай говорить в себе, что если не стану плакать, то Он отвратится от меня, как от нерадивца и презрителя. Если бы Бог хотел, чтоб ты, достигший совершенства, плакал, как плачет тот, кто еще находится на степени покаяния, то Он виделся бы тебе издали, или совсем скрывался бы от тебя, или освещал тебя издали и таким образом давал тебе и раздражал в тебе плач к очищению и благоустроению дома твоего. Но теперь после покаяния и очищения, какое получил

ты посредством слез, Он пришел в тебя, чтоб даровать тебе упокоение от трудов и воздыханий и исполнить тебя радостью и веселием вместо печали. Стой же прямо, не телом, но движениями и устремлениями души твоей. Водвори в себе тихое безмолвие, так как в дом твой идет Царь царствующих. Скажи со строгостью всем придверникам дома твоего, то есть чувствам своим: Царь грядет, стойте же добре при дверях, стойте смирно и со страхом великим наблюдайте, чтоб не пришел кто к дверям и не стал стучать и чтоб ничей голос не проходил внутрь, ни изблизи, ни издали. Внимайте добре, чтоб кто не обманул вас и не прокрался внутрь тайком и Царь тотчас опять не оставил нас и спешно не удалился. Так скажи и стой в веселии и радовании души своей, смотря внутрь себя на неописуемого Владыку своего, благоволившего неописанно описатися в тебе, и созерцай красоту Его, ни с чем не сравнимую. Созерцая же недомыслимо Пресвятое лицо Его, неприступное для Ангелов, и для Архангелов, и для всех чинов небесных, изумляйся, радуйся и, духовно скача, веселись, внимая, однако ж, Ему с благоговением, чтоб услышать, что повелит Он тебе сказать или сделать. Внимай убо тому, что Он говорит Тебе. Он не имеет нужды требовать что-либо от рабов Своих для Своего собственного упокоения, как имеют ее земные цари, потому что ни в чем не имеет недостатка, и если не обогатит наперед рабов Своих, то и не входит в дом их.

6. Итак, поелику Он ни в чем не имеет недостатка, как я

сказал, но обогатил тебя и Своим к тебе пришествием сделал безнедостаточным, то внимай, да ведаешь, что говорит внутрь тебя Тот, Кто, неотлучно исшед из лона благословенного Отца Своего, снисшел с небес даже до твоего ничтожества. Ибо нельзя же тебе найти и подумать, чтоб Он делал это когда-либо как бы мимоходом. Нет; благий и человеколюбивый Владыка наш делает это обыкновенно для спасения и других многих. Итак, если ты почтишь Его, приимешь Его и дашь Ему место и упокоение в себе, то ведай добре, что услышишь из сокровищ Духа Его неизреченные тайны. Не припадая к персям Владыки Христа, как припал некогда возлюбленный ученик Его Иоанн, но имея внутрь персей своих все слово Божие, будешь ты богословствовать богословие новое и ветхое и добре поймешь все богословия, какие изречены и написаны были доселе, и соделаешься органом Духа доброгласным, издающим мелодии, приятнейшие паче всякой музыки.

Но если ты попустишь прийти откуда-либо печали и войти в дом твой, тотчас отбежит радость. Если попустишь войти гневу или раздражению, тотчас удалится Тихий и Кроткий. Если попустишь войти ненависти и вражде к кому-либо, тотчас убежит Тот, Кто наименовался и есть самосущая и ипостасная Любовь. Если попустишь приблизиться любопрению или зависти, тотчас незлобивый и благий Бог станет невидим, ибо Он этого терпеть не может. Если Он заметит, что около дома твоего ходят лукавство или многохлопотли-

вость с любопытством, а ты не отгоняешь их наискорейше с гневом, а кротко принимаешь эти худости, которые Он ненавидит, ты же позволяешь им приближаться к Нему, то не станет наперед извещать тебя, когда удалится от тебя, Простой, Незлобивый и Непытливый, но тотчас оставит тебя, не дав тебе того заметить.

Если также ты, сподобившийся приискренне соединиться с таким Владыкою, увидеть такую славу и стяжать такое богатство, разумею Царствие Небесное (которое есть Сам Бог), будешь берещись, чтоб в дом души твоей не вошла ни одна из сказанных страстей и всячески стараться доставить Царю великий покой от них, но лицо свое, то есть ум свой, станешь обращать в другую сторону и беседовать с другим, спиною обращаясь к неприступному Богу, на Коего со страхом и трепетом взирают все чины ангельские – то не по всей ли справедливости Он тотчас оставит тебя как презрителя и недостойного?

Но Он человеколюбив есть, говоришь ты. Иятоже говорю. Но Он человеколюбив к тем, которые чувствуют Его человеколюбие, чтут Его и благодарят как подобает. Если же ты, ни во что ставя любовь Его всеуслаждающую, полюбишь что-либо другое и с тем свяжешь всецело все стремление души своей и станешь услаждаться другою какою сластью, или ястием, или питием, или одеждою, или лицом каким красивым, или золотом, или сребром, или другим чем, и душа твоя воспохотствует того и побеждена будет любовию к тому, то

возможно ли, чтобы Бог, естественно чистый и тебя соделавший таковым благодатию Духа Святого, продолжал быть в общении и обращаться с тобою, когда ты уклонился сердцем на другое, а не тотчас оставил тебя? Само собою явно, что Он всеконечно оставит тебя.

7. Положим теперь, что ты не будешь делать ничего из того, что я сказал, но будешь гнать от себя всякую страсть, всякую похоть злую, всякое пристрастие и естественную любовь к родным и всякому человеку и, действуя так, достигнешь наконец совершенной безгрешности и чистоты, как представили мы выше, и воспримешь в себя Бога, сущего превыше всех небес, вследствие чего не будешь тревожим никакой страстью и ни к чему уже совершенно не будешь иметь никакой склонности и любви, но всегда станешь пребывать с Богом, имея ум свой постоянно горе в пренебесном Царствии Его. Положим далее, что в то время, как ты находишься в таком состоянии, кто-нибудь внезапно позовет тебя и введет в какой-либо город, где множество народа, домов, палат убранных и просторных, где церкви большие и прекрасные, архиереи, иереи, царь со всем синклитом вельмож и телохранителей. Потом (пропускаю всякие другие способы, какие можешь сам ты употреблять для получения архиерейства и попечения о народе), потом, говорю, все эти, то есть и царь, и вельможи, и все множество народа, начнут со многими слезами приглашать и просить тебя принять на себя попечение о душах их, чтоб ты пас их и пользовал учением своим –

и ты, не получив мановения на то от Бога, презришь Его, сподобившего тебя благодати соцарствовать с Ним, и, оставя небесные и вечные блага, дарованные Им тебе, спустишься к этим непостоянным и привременным и свяжешься с теми, которые пригласили тебя пасти их. Как думаешь? Ужели не праведно будет, если Бог, когда ты поступишь таким образом, оставит тебя пользоваться только этими привременными благами, которых ты возжелал, лишив благ духовных как в настоящей жизни, так и в другой? Конечно, нет.

Даже если б Сам Бог повелевал тебе принять на себя пасение душ человеческих, тебе следовало бы, падши перед Ним, восплакать и с великим страхом и скорбью сказать: Владыко Господи! Как мне оставить сладость пребывания с Тобою единым и пойти в ту суетливую и многотрудную жизнь? Ей, Господи! Не прогневайся на меня, раба Твоего, и с такой высоты славы Твоей не свергай меня в тот хаос бедственный. Нет, Господи мой, не лишай меня такого света Твоего и не низводи меня, бедного, в такую тьму. Или я согрешил в чем-либо пред Тобою, Господи, не зная того, и Ты за это опять возвращаешь меня в тот хаос, из которого Сам, по великому благоутробию Своему, человеколюбно извлек меня и вывел? Не расстраивай меня так сильно Ты, подъявший на рамо Свое столь многие мои грехи и беззакония; но если я согрешил в чем пред Тобою, накажи меня здесь, где нахожусь. Если находишь благословным, отсеки лучше все члены мои, только не посылай меня туда, в тот хаос.

Если бы Бог и опять стал говорить тебе: иди, паси овец Моих; иди, обращай ко Мне братий своих словом учения твоего, следовало бы и тебе опять ответить: увы мне, Господи! И как отделиться от Тебя мне, недостойному? Если б опять и в третий раз сказал Он тебе: нет, ты не отделишься от Меня; Я и там буду с тобою неразлучно – то и тебе следовало бы опять, падши, восплакать и, омочая мысленно слезами пречистые ноги Его, сказать: как возможно Тебе пребывать со мною, Господи, если я низойду туда и омрачусь? Как возможно Тебе быть со мною, если сердце мое, поползновенное на всякое зло, склонится к лести и похвалам человеческим? Как возможно, чтобы Тебе благоугодно было пребывать со мною, если я вознесусь в гордыне? Возможно ли, чтобы Ты не удалился от меня, если я не стану с дерзновением праведно обличать царей и другие власти в их беззакониях и неправдах? Мне же где возмочь исполнить это и все прочее, лежащее на пастыре так, как Тебе благоугодно, чтобы Ты был со мною и укреплял меня, а не обвинил, как погрешителя, и за то не удалился от меня как от недостойного, оставя меня одного поверженным там, долу? Боюсь, Господи, чтобы не победило меня сребролюбие; боюсь, чтоб не овладела мною воля плоти, чтоб не обольстила меня сласть греховная, чтоб не омрачила ума моего забота о пастве, чтоб не возгордила меня честь царей и властей, чтобы не надмила меня великость власти и не наустила презирать братий моих; боюсь, чтобы не выступить мне из подобающего моему

званию чина от пиршеств и винопития, чтобы не стала опять упитанною от сластей плоть моя, утонченная воздержанием, чтобы не устрашили меня угрозы людские и не сделали преступником заповедей Твоих; боюсь, чтобы просьбы собратий моих епископов и друзей не склонили меня стать участником грехов их и, когда онеправдывают они других или другое что недоброе делают, молчать или даже содействовать им, не обличая их с дерзновением и не показывая за заповеди Твои сопротивления им, как подобает. И где мне, Господи мой, изложить все опасности звания сего, которые бесчисленны и которые Ты, Боже, знаешь лучше меня? Умоляю убо Тебя, не попусти мне впасть в них. Сам бо ведаешь, Человеколюбче, как трудно угодить людям, как они бывают тяжелы, насмешливы, пересудливы и клеветливы, особенно из грамотных и ученых, умудрившихся внешнею мудростью. Пощади же меня, Человеколюбче, и не посылай меня туда – долу, на это предстоятельство над народом, в среду таких и толиких бед и зол.

Все сие и другое многое следовало бы тебе поиметь в мысли и, убоявшись имеющих встретиться тебе трудностей и бед, умолять Бога дозволить тебе не нисходить с неба твоего на землю, опять в мирские дела. Если бы даже Бог, похваляя любовь твою и твое смирение, сказал тебе: не бойся, не будешь преодолен ничем противным, ибо Я обещаю тебе всегда быть с тобою и ты будешь иметь Меня помощником себе во всяком деле, Я и там долу прославлю тебя с преизбытком,

и сюда опять возвратишься ты еще с большею славою и в большей светлости и будешь соцарствовать со Мною в бесконечные веки; если бы даже, говорю, тебе дал такое обещание человеколюбивый и всеблагий Царь, то и тогда не следовало бы тебе дерзать и быть совершенно беспопечительным, но надлежало находиться в страхе и трепете великом, помышляя, что ты как бы нисходишь с великой высоты в глубь глубочайшего кладезя, полного разными зверьками и пресмыкающимися, и в таком настроении, с великим страхом взойти на престол патриарха, или митрополита, или епископа, или другого какого предстоятельства над народом.

Если же ты сознаешь, что ты не таков, как мы сказали выше, но тебе, напротив, кажется, что, принимая настоятельство над народом, ты восходишь с низу и от долу в высь великую, то горе тебе за такую дерзость, горе тебе по причине ослепления ума твоего, горе тебе по причине великого невежества твоего! Ибо такие мысли и помышления несвойственны людям мыслящим и разумным, но бессмысленным язычникам или, лучше сказать, мертвым, которые не видят, не чувствуют, не живут и совсем не знают, что есть Бог и что есть суд Божий, имеющий сретить нас.

8. Что пасти народ и пещись о спасении братий есть дело многоспасительное как завершение любви, которая есть глава закона и пророков, этого никто не может отвергать. Ибо когда Господь до трех раз спрашивал Петра, любит ли он Его, и сей ответил: ей, Господи! Ты веси, яко люблю Тя; тогда

Господь, в ответ на это, вот что сказал ему: если любишь ты Меня, Петре, паси овцы Моя. Опять, что не следует всякому человеку, просто и как ни случилось, необдуманно брать на себя настоятельство над другими – явно и это для всякого, у кого ум не омрачен совершенно. Впрочем, многие не знают ни того, что означает приведенное слово Господа, ни того, каким образом пасти овец Своих повелел Господь Петру. Но восходят дерзостно (увы!) на эту степень достоинства и не стыдятся самочинно пасти паству Христову, почему, если вам кажется благословным, обсудим, что означает это слово Господне и какой заключается в нем смысл.

Когда Господь сказал Петру: паси овцы Моя, то этим не на другое что указал, как на предстояние и попечение, коим подобает быть о стаде Христовом посредством слова и учения. Это подтверждается другими словами, сказанными тому же Петру: *Симоне, Симоне, се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу: Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя: и ты некогда обращся утверди братию твою* (Лк. 22, 31, 32). Ибо что значат слова: утверди братию твою? Вот что: собственным своим примером удостоверь их, что не должно отчаиваться, в какое бы кто прегрешение ни впал, ибо какое другое прегрешение хуже твоего, когда ты отвергся Меня, Владыки всяческих? Однако ж Я простил тебя тотчас, как только ты горько раскаялся, и, несмотря на то, что ты не имел дерзновения по причине отречения, Я по имени призвал тебя через Ангела прийти ко Мне вместе с другими апостола-

ми на гору Галилейскую, ни одним словом не укоряя тебя в отречении твоем. В сем-то, обращся, ты и утверди братию твою.

Паси овцы Моя. Но ведай, что ты будешь истинно пасти их не тогда, когда станешь переводить их с пажити на пажить, чтоб они утучнели телесно, как то делают пастыри бессловесных овец, не тогда также, когда будешь запирать их в стенах и ограждениях овчарных, но когда будешь научать их соблюдать все, что Я повелел. Это потом заповедал Господь особо и всем апостолам, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19, 20), *прибавив и еще: иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16, 16).

Паси, говорит, овцы Моя. Пастырь бессловесных овец не заботится о земледелии, ни о торговле, ни о домах, ни о яствах различных и многоценных, ни о славе и почести; нет ему дела и ни до чего другого мирского и охоты не имеет он пользоваться тем; но оставя все – и дом, и жену, и детей – все свое попечение обращает на одну лишь паству свою, ради ее ночи проводя без сна и проходя с нею в отдаленные места, не имея ни крова, ни постели, перенося зной дня и хлад ночи и борясь с воздушными переменами: одних овец блюдет он и об них всестороннее имеет попечение. Но для тебя, пастыря словесных овец, возможно находиться под кровом дома, иметь одр, постель, трапезу и вместе с тем пасти и овец Мо-

их. Как же пасти? Уча их иметь ко Мне (говорит Господь) веру светлую, чистую, не колеблющуюся, и любить Меня от всей души и от всего сердца, как и Я возлюбил их, по любви к ним предав Себя на смерть и умерши за них. Доставляя же им вместо пажити животворную пищу Моих заповедей, объясняй им, что они тогда только будут вкушать животворность сей пищи, когда самым делом исполнять станут заповеди Мои, и побуждай их вкушать от сей пищи каждочасно, чтоб они были всегда насыщенными от Моих благ. А какие это Мои блага и какими делами они стяжеваются, сие познать научи их из следующих Моих слов: *продадите имения ваша и дадите милостыню, сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище неоскудеваемо на небесех* (Лк. 12, 33). *Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44). *Да никтоже* (из вас) *зла за зло кому воздаст* (1 Фес. 5, 15). *Отпущайте, и отпустят вам* (Лк. 6, 37). *Аще ли же вы не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших* (Мк. 11, 26; Мф. 6, 15). Станьте бедны деньгами, да будете богаты благодатию Святого Духа; презрите земную славу, чтоб получить небесную.

Еще говори им и следующее: пред нами находятся два противоположных предела – живот и смерть, и два мира – настоящий, видимый и привременный, и будущий, невидимый и вечный, и два противоположных между собою дей-

ствователя в сих мирах – Бог и диавол, противостоящий Ему, из которых Бог всегда печется о спасении нашем, призывая нас к жизни и Царству вечному, а диавол желает погибели и смерти души нашей и день и ночь рыщет, ища, кого привлечь приманкой временных сластей и поглотить, сделав его повинным вечному мучению. Поелику таким образом пред нами Бог и диавол, то нам, как мыслящим и разумным, надлежит бежать от врага нашего и прибегать под кров Владыки нашего, прося помощи у Него, да не возгосподствует над нами князь тьмы, уловив нас в сети и тенета свои, и да не сделаемся мы чрез то рабами ему и греху.

Что диавол есть князь мира и вечной тьмы, послушай Самого Христа, Который говорит: *грядет сего мира князь и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30). Князем мира называется он не как властитель и господин мира. Да идет от нас такая богохульная мысль! И как возможно, чтоб властвовал над миром тот, кто не имеет власти даже над свиньями? Но называется он князем мира потому, что, раздражая пожелание богатства и других вещей мира сего, он порабощает себе прилепляющихся к ним и берет над ними власть. Князем же тьмы называется он потому, что ниспал от света Божественной славы по причине гордости своей и сделался наследником вечной тьмы. Но Бог и Владыка наш, яко Творец и Устроитель всего мира, естественно и властно есть Князь всех – небесных, земных и преисподних, будучи Светом невечерним и неприступным и Господом всего, и насто-

ящего и будущего.

Итак, которые покорствуют Богу и соблюдают неуклонно заповеди Его, те и временных благ причащаются в меру и с воздержанием, благодаря за них Бога, и от этих видимых и временных благ возводятся к оным невидимым и вечным за то, что повинулись царю всех Богу и соблюли повеления Его. Те же, которые поступают противно заповедям Божиим, те находятся на противной Богу стороне, вместе с диаволом, поелику сделались врагами Его, как Сам Он говорит: *иже несть со Мною, на Мя есть, и иже не собирает со Мною, расточает* (Лк. 11, 23). Посему, возлюбленные, пусть никто из вас не слушает князя тьмы и миродержителя диавола; пусть никто не водится с ним; никто пусть не делается воином диавола и не воюет против Бога и Спасителя нашего; пусть никто не становится врагом души своей и не подвизается, чтоб наследовать огнь вечный. Умоляю вас, отцы мои, и братия, и чада, не делайте этого. Страшное дело и для одного даже слуха то, чтоб сделаться нам врагами и противниками Богу.

А как делается кто противником Христу и подвизается о собственной своей погибели, я это сейчас вам скажу. Если, например, кто побранит тебя праведно или неправедно, или осудит, или оклевещет, и ты не переносишь такого бесчестия с кротостью, но, оскорбившись тем в сердце своем, не удерживаешь раздражения своего, а бранишь и сам того, кто побранил тебя, или осуждаешь его, или другое что неприятное ему делаешь, или, не делая ничего такого, держишь страсть

неприязни против него в сердце своем, а не прощаешь ему от всей души и не молишься о нем Богу – то вот и стал ты врагом Христу, потому что поступаешь противно заповедям Его; стал ты врагом и себе самому и губишь душу свою тем, что сделал (в силу такого непрощения брату) все прежние свои грехи неизгладимыми и непростительными. Еще, если кто ударил тебя в правую ланиту, а ты не только не обращаешь к нему левой, но сам ударяешь его, то се – опять сделался ты воином и рабом диавола. Ты ударил не брата только, но чрез брата, которого ударил, ударил и Самого Христа, Который повелел не ударять его, но обращать к нему другую ланиту. Опять, если кто, тайно или явно, возьмет у тебя золотую или другую какую вещь, или ты дашь кому взаймы, или похитит кто что-нибудь у тебя и не захочет потом отдать или потому что ничего уже не имеет, или по корыстолюбию и злонравию, и ты не сносишь благодушно и незлобиво такого похищения, но тащишь виновного в суды, ввергаешь в темницу и делаешь все возможное, чтоб обратно получить свое – то скажи мне, не явный ли ты враг Богу и душе своей, делая все такое? Ибо если тебе повелено посещать заключенных в темнице и служить им по силе своей, не требовать своего от того, кто его взял, отдавать и срачицу тому, кто хочет судиться с тобою и ризу твою взять, предавать тело свое на смерть за заповедь Божию, если, говорю, ты, коему даны такие повеления, идешь в суды из-за вещей тленных, преступая повеление Божие, если скорбишь, гневаешься и ввергa-

ешь брата в темницу – не явно ли, что ты выходишь из ума (христианского здравоумия), прогневляешь Бога, противясь Ему, и себя самого лишаешь вечной жизни?

Итак (возвращаюсь опять к пастырству), кто хочет пасти стадо Христово и питать разумных овец, научая их всему тому, о чем мы сказали, чтоб сделать их тучными от добрых дел и многородных добродетелей, тот как может в то же время заботиться о полях и виноградниках и пещись о прочих стяжаниях своих, чтоб сохранить от похищения и ущерба, прогоняя покушающихся на это? Когда ему ходить в суды и заводить состязания, бывая при сем иной раз для других причиною клятв, и клятв ложных? Ибо если он прав, то противникам его нужда бывает прибегать к явной лжи и ложным клятвам, что как может снести боголюбивая душа? И как может быть приятно Богу, Который сказал: *Аз же глаголю вам не клятися всяко. Буди же слово ваше, ей, ей; ни, ни; лишше же сею от неприязни есть* (Мф. 5, 34, 36). И еще: глаголю же вам: яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день суда (Мф. 12, 36).

Итак, по причине всех таких пагубных для души случайностей, умоляю вас, братия и отцы мои, если верите Самоистине Христу и сказанным мною словам, не ищите престолов и епархий, игуменств и предстояний над другими славы ради человеческой и для телесного покоя, боясь суда Божия и страшного оного приговора, который устами пророка Иезекииля изрек Он против не как следует пасущих овец Его:

сия глаголет Адонаи Господь: Оле, пастыри Израилевы! еда пасут пастыри самих себе, не овец ли пасут пастыри? Се, млеко ядите и волною одеваетеся, и тучное закалаете, а овец Моих не пасете: Изнемогшаго не подъясте и болящаго не уврачевасте, и сокрушеннаго не обязасте и заблуждающаго не обратисте, и погибшаго не взыскасте и крепкое оскорбисте трудом и властию наказасте я и наруганием. И разсыпашася овцы Моя, понеже не имеяху пастырей. И немного ниже опять говорит Он: се, Аз на пастыри, и взыщу овец Моих от рук их, и отставлю я от паствы овец Моих (Иез. 34, 2–5, 10). И еще: *и страж, аще увидит меч грядущ, и не вострубит трубою, и нашед меч возмет от них душу, та убо беззакония ради своего взяся, а крове ея от руки стража взыщу* (Иез. 33, 6). Страшны, братия мои, эти слова, изреченные Богом на пастырей. Посему станем лучше заботиться о том, чтоб добре пасти самих себя, яко стадо Христово, яко царское священие, подчиняя плоть духу, да не побеждается лучшее худшим, то есть душа телом. Когда же внидем во глубину смиренномудрия, омоем скверны грехов наших слезами своими, стяжем кротость сокрушением сердца и смиренномудрием, великою жаждою правды Божией привлечем утоление ее неизреченными благами Царства Небесного через утешения Духа Святого; потом, когда восприимем утробы щедрот и сострадания, стяжем сердце чистое совершенным бесстрастием и узрим свет Божий, то есть Самого Духа Святого действующим в нас и глаголющим

о сокровенных тайнах Царствия Божия, как лица, посредством глубокого мира сочетавшие в едино мудрование душу и тело, когда умиротворим себя и сделаем по душе и телу согласным орудием Богу во едином духе, когда к тому претерпим еще ради Христа множество искушений, скорбей и бед и навыкнем укоряеми благословлять, гоними терпеть, хулими молить (1 Кор. 4, 12, 13), не помня зла никакого, но все то благодушно принимая и претерпевая и всячески стараясь сохранно пройти искус сей, без малейшего колебания в терпении, которое есть основание добродетелей – когда таким образом посредством всех сказанных добродетелей возрастем возрастом по Христу и востечем в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, со стяжанием совершенного Боговедения и мудрости словес и таин оных, кои подает Дух Святой – когда, говорю, совершится в нас все сие и мы достигнем полного во всем совершенства, тогда, пожалуй, предадим себя и на пользу братий наших. Впрочем, и тогда не следует нам самим искать этого, но уступать, если Богом будем призваны к тому, не превозношения ради, но чтоб быть рабами всех, как говорит Господь: кто хочет быть больший в вас, будь всем раб и всем слуга (Мк. 10, 43, 44). Но пока не достигнем мы совершенства и бесстрастия, до тех пор да минует нас начальствование над другими, прошу вас. Будем лучше в послушании духовным отцам нашим и Богу, все держащему во власти Своей, будем каяться каждодневно и очищать себя слезами по Богу, да возможем познать

Бога, что Он неложен во всем, что обетовал даровать любящим Его и исполняющим Божественные Его повеления. Он исполнит всякого по делам Его в Царствии Своем. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят третье

1. О бесстрастии и добродетельной жизни.

2. Как отсечь волю свою и востечь на высоту совершенства?

3. О соединении Бога с душою и души с телом.

4. О преславном соединении трех сих – Бога, души и тела.

5. О духовном врачевстве и как надлежит врачевать немоществующих душою?

1. Многократно беседуя с братиями, находящимися в мире, я почти от всех их слышал, что невозможно человеку взойти на такую высоту бесстрастия, чтобы он, беседуя и вкушая пищу вместе с женщинами, нимало не повреждался от того в душе своей и не подвергался тайному некоему движению нечистому. Слыша это, я много скорбел, плакал и проливал слез о тех, которые говорят так. Ибо очень хорошо знаю, что они говорят это по великому неведению дела, то есть что совсем не знают опытно силы благодатных даров Божиих. Если б они не были лишены истинного бесстрастия, ослеплены мраком страстей и порабощены сластям и похотям плоти, то, конечно, знали бы и они о животворной мертвости, какую Христос Иисус, Бог наш, дарует святым членам Своим, и не неверовали бы о ней. Тем, кои таковы, как воз-

можно поверить, что бывают люди мертвые миру и живущие только жизнью, которая в Духе Святом, тогда как они всю жизнь свою о том только и заботятся, как бы понравиться людям и заслужить у них название боголюбивых и святых и, следовательно, все дела свои делают лицемерно? Как они думают, будто исправляют дело бесстрастия, оставаясь страстными, будучи, то есть, и бывая всецело грех, и как уверяют себя самих, что одни похвалы людские достаточны для добродетели и святости; так опять, когда отрицают бесстрастие и говорят, что во святых нет его, то хотят быть и именоваться святыми без бесстрастия, как бы стяжевая святость одними людскими похвалами. Того, кого не хвалит толпа просто и как пришлось, они почитают за недостойного и презираемого, не зная, несчастные, что лучше один знающий Бога и знаемый Богом, чем мириады неверных, не знающих Бога, хотя их хвалит и ублажает весь мир; как и тот, кто видит, лучше бесчисленного множества слепых.

Но что возможно достигнуть свободы от страстей, или бесстрастия, тому, кто истинно подвизается; что тому, кто получит благодать Божию, возможно возвыситься до состояния бесстрастия душевного и телесного и не только не быть тревожимым страстями тогда, когда беседует или вкушает пищу вместе с женщинами, но даже когда находится среди города, слышит там пение и музыку и видит смеющихся, забавляющихся и пляшущих, не терпеть никакого совершенно вреда, и что такие люди действительно есть и бывают, о сем

свидетельствует всякое писание святых; немало пишется о сем свидетельств также в истории и жизнеописаниях святых. Для сего-то бесстрастия бывает у богочестивых всякое делание подвижническое, всякое лишение произвольное и всесторонняя к себе строгость. Первое дело подвизающихся по Богу есть убежать от мира и от всего, что в мире. Миром я называю настоящую жизнь, то есть сей временный век. Под тем же, что в мире, я разумею все окружающее нас, что повелевает нам Господь оставить и убежать от того всего, то есть оставить отца, матерь, братьев, сестер, сродников, друзей, имения, деньги и вообще всякое богатство. Не потому так требуется, чтоб это были вещи запрещенные и вредные, но потому, что, находясь среди их, не можем мы избавиться от пристрастия к ним. Одолеваемый похотными сластьми, если не отсечет причин, возбуждающих сласти греховные, и не удалится от них, не может никак освободиться от похотения их.

2. Когда же обнажится он от всего того, что составляет его собственность, тогда долг имеет он отрещись и от самой жизни своей, если искренно ревнует о добродетели, а это совершается умерщвлением и совершенным отсечением своей воли. Волю же разумею я не внешнего только касающуюся, то есть чтоб не есть, не пить, не делать никакого дела по своей воле, не спать и вообще ничего, сколько бы иное ни казалось хорошим, не делать без позволения настоятеля своего – но и внутренних движений сердца, именно, чтоб

не смотреть страстно ни на что, не осуждать никого внутренне, не радоваться ничьему падению, не гневаться в сердце своем, никому не завидовать, не ревновать злою ревностью. И где мне перечислить все свойства и все признаки благочестивого настроения сердца, чтобы показать тебе поточнее, каков должен быть истинный христианский подвижник. Послушай, впрочем, и еще о некоторых требованиях животворного самоумерщвления, именно: никогда не скрывай от духовного отца своего никакого даже малейшего помысла; сколько можешь, ни одного дня не пропускай без слез – не убеляй чрезмерно лица своего, как есть обычай некиим; не убирай, как покрасивее, волос головы твоей и твоей бороды; не отрешай пояса своего, когда ложишься спать, чтоб не разнежилось тело твое и ты не проспал более должного; не влагай рук своих за пазуху или под мышку по телу; не хватай другого за голое тело, не жми и не три его нежно; не смотри просто и как ни попало на лицо даже старческое, потому что лукавый, который при всяком случае встревает с своим худом, везде вертится; не кивай одному насчет другого; не говори никакого слова неподобающего; не умалчивай ни о чем, что должно быть сказано; не оставляй никогда обычного своего правила, до самой смерти; не заводи особенной дружбы ни с кем, хотя бы кто казался святым; нисколько, ни много ни мало, не заботься о красивой одежде и обуви, кроме необходимых, и эти пусть будут степенные и смиренные; не вкушай никакой пищи на услаждение и не касайся такой, кото-

рая тебе нравится. Подвизающийся воздерживается от всего этого и от многого другого большего. И опять, кто нерадит и не воздерживается от всего этого, тот каждочасно творит волю свою, хотя ублажается всеми людьми как отрекшийся от мира. Кто воздерживается во внешнем, в том, что всем видно, тот оглашается и похваляется как подвижник теми, кои не умеют добре видеть внутреннее. Но если такой тайно творит волю сердца своего, то он нелюб Богу как нечистый, и хотя бы тысячи лет провел, так подвизаясь, никогда не найдет пользы от одних внешних подвигов.

3. Кто же воздерживается от всего и обучает душу свою не кружиться в беспорядке там и сям и не творит ни в чем воли своей, наипаче же в том, что неугодно Богу, но понуждает ее неотступно ходить в заповедях Божиих, с теплою любовию и со столь великим вниманием, как если бы шествовал на высоте воздушной по какой-нибудь веревке, таковой в короткое время обретет Бога, сокрытого в тех Божественных заповедях, Которого, как только обретет, так забудет все и станет вне себя и, припадши к Нему, вседушно возжелает зреть Его и только Его единого. Когда после сего Бог промыслительно скроется от очей его умных, тогда объемлет его скорбное недоумение и он начинает опять проходить с начала путь заповедей Божиих и тещи им спешнее, сильнее и опасливее, смотря под ноги, ступая обдуманно, жегом бывая воспоминанием, горя любительным желанием и воспламеняясь надеждою опять увидеть Его. Когда же таким образом долгое

время теча и преутрудившись, не возможет достигнуть желаемого и в изнеможении совсем упадет духом, так что и тещи далее уже не станет у него сил, тогда внезапно узрит он Того, Кого искал, достигнет Того, Кто бежал от него, обымет Того, Кого вожделел, и станет опять весь вне мира и забудет весь этот мир, соединится с Ангелами, обольется светом, вкусит от жизни, сретит бессмертие, исполнится утешительной сладости, взыдет на третье небо, восхитится в рай, услышит неизреченные глаголы, внидет в Женихов чертог, пройдет до места, где покоится Жених, увидит Его Самого, сделается общником духовного брака, насытится, пия от таинственной чаши и вкушая от тельца упитанного, от хлеба животного и от пития жизни, от агнца непорочного и от манны мысленной, и получит все оные блага, на которые не дерзают воззревать и самые Ангелы. Находясь в таком состоянии, он горит, как огнь, и просвещается Духом Святым и еще отселе, из настоящей жизни, провидит таинство обожения своего. Став весь огнем по душе, он и телу передает от стяжанного внутри светлоблистания, подобно тому как и чувственный огнь передает свое действо железу – и бывает тогда душа для тела тем, чем Бог стал для души, как говорит богословский глас. Ибо как душе невозможно жить, если не бывает она просвещаема Творцом своим, так и телу невозможно жить, если не получает на то сил от души.

4. Вникни повнимательнее в смысл сказанного: Бог, душа, тело. Бог безначальный, бесконечный, неприступный,

неисследимый, невидимый, неизреченный, неприкосновенный, неосязаемый, бесстрастный, неизглаголанный, Который в последние дни явился нам во плоти через Сына и познался через Духа Святого, как веруем, подобным нам по всему, кроме греха – сочетавается с душой мысленной ради моей души, чтоб и дух спасти, и тело сделать бессмертным, как сказал Григорий Богослов (в Слове на Рождество Христово), и при этом изрекает такое обетование: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16). *Аз и Отец приидем и обитель в них сотворим* (Ин. 14, 23) – в тех, то есть, которые веруют и веру свою показывают делами вышесказанными. Но внимай! Поелику Бог обитает в нас, истинных рабах Своих, и ходит в душах наших чрез действа и осияния Духа Святого, то веруем несомненно, что души, сего достойные, неотлучны от Бога. Поелику опять душа находится во всем теле и не оставляет без себя ни одной части, то необходимо следует, что волею души и управляется вся сия плоть, нераздельная с душой и не могущая жить без души, ибо как невозможно телу жить без души, так невозможно, чтоб оно имело волю особо от души.

Итак, явно, что как во Отце, Сыне и Святом Духе поклоняется единый Бог, без слияния трех Лиц и без разделения единого существа и естества, так опять и человек бывает по благодати богом в Боге, и по душе и по телу, без слияния и разделения; и ни тело не прелагается в душу, ни душа не изменяется в плоть; и опять, ни Бог не сливается с душою,

ни душа не претворяется в Божество. Но Бог пребывает, как есть Бог, и душа опять пребывает так, как есть естество ее, и тело, как создано, персть; и Сам Бог, Который дивно связал сии два – душу и тело – и сраствори мысленное и невещественное с перстью, соединяется с сими двумя без слияния, и я человек бываю по образу и подобию Божию, как показало слово. Впрочем, если вам кажется благословно, скажем опять то же. Движимый духовным удовольствием и радостью, я желаю сказать вам опять то же, чтоб яснее представить вам такие мысли: Отец, Сын и Дух Святой – Бог един, Коему мы служим и поклоняемся. Бог, душа и тело – человек, созданный по образу и подобию Божию и удостаивающийся быть богом по благодати.

Но для чего распространил я слово мое об этом и по какой причине сказал более подробно, как человек бывает богом по благодати? Для того, чтоб устыдились или, лучше сказать, познали самих себя те, которые не имеют в себе черт образа и подобия Божия и отдалены от Бога, да плачут о себе самих, познав, каких благ они лишены, и слушая слово мое, да узрят, какие страсти обладают ими, и да уразумеют, какая глубочайшая тьма покрывает их; вследствие же сего да убоятся противоречить тем, кои имеют в себе благодать Божию, ею всему научаются и с нею вся могут, и далее да престанут говорить, будто никому из тех, кои живут по Богу, невозможно, находясь среди мира и принимая пищу или беседуя с женщинами, пребыть неосквернен-

шевно и телесно. Есть Бог бесстрастный, никакого не имеющий пристрастия к видимому. Впрочем, я знаю, что те, которые не могут зреть душевными очами (потому что они не отверсты) и даже не чувствуют, что есть свои в душе чувства (для духовных вещей), не понимая смысла сказанного мною слова, возразят мне, говоря: знаем и мы, что Бог бесстрастен, и не в отношении к Богу сомневаемся в этом, но в отношении к человеку. Но для того, чтоб заградить таковым уста, я и сказал выше, что и человек бывает богом по благодати чрез дарование ему Духа Святого. Отчего и бывает, что как солнце, освещая нечистые места, не оскверняет нимало лучей своих, так не оскверняется душа или ум облагодатствованного человека, носящего в себе Бога, если случится чистейшему телу его прийти в соприкосновение с нечистыми телами человеческими. И не только это, но если б случилось ему быть заключену в темницу вместе с бесчисленным множеством неверных и нечестивых, преисполненных всякою скверною, и голому телом тереться с ними голыми, и тогда невозможно, чтоб он или в вере повредился, или отдалился умом от Владыки своего Бога и забыл дивную оную красоту Его. Многое такое бывало с мучениками и другими святыми, и, однако ж, эта кознь диавола не причинила им никакого вреда, потому что они имели Бога, обитавшего и пребывавшего в них. Кто или от начала сохранил в себе черты образа и подобия Божия, или, потеряв их, потом опять возвратил себе, таковой вместе с тем получает способ-

ность смотреть на вещи как они есть по природе своей и после того, яко во дни благообразно ходящий, так и смотрит уже на все вещи, как они есть по их природе, не смотрит на цвета, красоту и блистательность их, но, помышляя о существе и свойствах их, пребывает невозмутим никакою по поводу их страстностью, внимая лишь тому, что в них есть существенного и чем они всегда пребывают. Смотрит на золото, но не приковывает ума своего к его блеску, а помышляет лишь о материи, из коей оно, то есть что оно земля, персть или камень и не может никогда измениться во что-либо другое. Смотрит на серебро, маргариты и всякие драгоценные камни, и чувство его не обольщается приятностью привлекательной цветности их, но смотрит на все эти камни как на всякий другой простой камень, считая все их пылью и прахом. Смотрит на шелковые красивые одежды и не дивится их многообразию и разноцветности, помышляя, что они все суть испражнение червей, и скорбя о тех, которые радуются из-за них и блюдут их как драгоценности. Смотрит на человека, славимого, шествующего по улицам в сопровождении множества народа и гордящегося такою славою, и, почитая видимое сновидением, дивится невежеству людскому и посмеивается ему. Видит мир, шествуя среди какого-либо большого города (свидетель истины слов моих – Господь, совершающий в нас сие), и, однако ж, находится в таком блаженном состоянии, как бы был один во всем мире и находился в месте пустынном, не проходимом людьми, как бы ни

с кем не имел никакого дела и не знал никого из людей, живущих на земле.

Таковой человек, если увидит и женщину, хоть бы самую красивую, не смотрит на красоту лица ее, но видит ее тлеющею и разлагающеюся, как бы она незадолго умерла и сделалась вся пищею червей и комом вонючей грязи, как сие и в самом деле бывает. Ум его никогда не станет заниматься красотою женщины, но представляет вещество, из коего она, и тление, для коего она готовится. Но если пожелает он и о внешней ее красоте подумать, то умеет от творений возвышаться к Творцу и удивляться Ему, а не служить твари паче Творца. Таким путем, от величия и красоты тварей, познает он Создателя; ум его восходит к созерцанию Его и воспламеняет душу стремиться к Сотворшему ее, вместе с чем возрождаются в нем Божественная любовь и слезы, и бывает он весь вне видимого, отрешаясь совершенно от всех тварей. Ведай же, что как свет чувственных очей наших шлется нами инуды и зрительною своею силою обходит все, сущее пред ним, не оскверняясь ничем из того, что видит, хотя многое в том бывает и срамное, и мы опять этот свет очей своих переносим на другое неоскверненным – так и ум святых, если случится ему обратить внимание на нечистые и мерзкие страсти, не оскверняется, потому что он у них наг есть и отдален от всякого страстного похотения. Если и захочет кто из них рассмотреть их, то делает это не для чего другого, как для того, чтоб обсудить и познать добре страстные дви-

жения и действия страстей, от чего они рождаются и какими врачевствами усмиряются. Так, как слышно, делают и врачи, которые рассекают мертвые тела, чтоб рассмотреть устройство тела и познать по мертвым оным телам, что находится в телах живых людей, и этим знанием пользоваться потом при врачевании болезней, не видных наружно. Так делает и духовный врач, желающий искусно врачевать страсти души. Чтоб тебе показать в слове врачевательное искусство его, я представлю тебе это в примере.

5. Предположи, что кто-нибудь из больных душевно идет к духовному врачу, омраченный страстью, смятенный весь умом, и вместо врачевства просит у него того, что вредит, что или увеличит его болезнь, или причинит ему даже смерть. Смотрит человеколюбивый и сострадательный врач на сего болящего брата, вникает в болезнь его, жжение и резь от нее и находит, что она и без того к смерти, если не принять мер. И что делает? Не кричит на него за его неразумное прошение, не отказывает ему тотчас во врачевстве желаемом, не говорит, что оно худо и смертоносно – не дам тебе его! – чтобы тот не убежал от него, не пошел к другому врачу, неопытному во врачевании душевных болезней, и, получив от него желаемое, не умер тотчас, но показывает ему всякую снисходительность и искренность, чтоб убедить его, что готов лечить его тем лекарством, которого он просит, и удовлетворит его желание. Слыша это, больной ожидает врачевства с радостью. Врач между тем, как опытный и муд-

рый врачеватель, представляет ему другие врачевства, которые по виду сходны с желаемыми больным, но существенно разны по составу и инаковы по вкусу и дивны по силе действия. Ибо только что примет больной эти врачевства, как уже ощутит врачевательную их силу – тотчас прекращается или умаляется жжение страсти и начинает закрываться рана душевная, что и располагает его к ним; о тех же врачевствах, которых он прежде желал с таким жаром и неудержимостью, и воспоминать ему нежелательно. И видеть можно чудо некое, в нем и в подобных ему совершающееся – как эти врачевства, обыкновенно не так приятные, делают больных здоровыми, закрывают раны, погашают жжение, и тех, которые прежде алкали вредных и смертоносных яств, располагают желать одних полезных и всем рассказывать о дивном искусстве врача и мудром его методе врачевания.

Да слышат сие здравствующие и да поймут, что сказано мною прикровенно, если прияли благодать духовного разумения, потому что больные не могут этого понять, тем более когда они даже не знают, что больны. И таких кто в силах убедить, что они больны? Ибо они самую эту болезнь свою почитают здоровьем и желают всегда творить волю плоти и все, чего требует их похоть и естество. Как невозможно убедить тех, кои вышли из ума, сознать, что они действительно вышли из ума, так и тех, кои валяются в страстях и, состоя в рабстве у них, не чувствуют своего им рабства, никто не может довести до сознания, что они находятся в таком

худом состоянии, или убедить их перемениться на лучшее. Они слепы и не верят, чтоб кто-нибудь был видящ; как же их убедить, что и для них возможно, чтоб они открыли очи свои? Если б убедились в этом, то, может быть, и они взыскали бы открытия очей своих; обретши же его, увидели бы ясно и познали тех, кои распялись миру. Но как они не хотят освободиться от страстей, то тем самым затыкают уши свои и не могут внятно слышать апостола Павла, который говорит: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14). *Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). И еще: *умертвите убо уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую илихоимание* (Кол. 3, 5).

Кто таким образом умер миру (что и есть крест), кто не сам живет, но в ком живет Христос, кто умертвил уды, яже на земли, страстные движения тела, сделав его непричастным никакой страсти или никакой похоти злой, тому как возможно, скажи мне, восприять хотя малое какое чувство страстное, или попустить себе испытать движение сласти греховной, или наклониться к ней хоть сколько-нибудь в сердце? Если же не веришь еще сему и отвергаешь сказанное мною, то подумай, кого ты осуждаешь и кого полагаешь соучастником в грехе? Увы твоей продерзости! Ибо о тех, которые имеют в себе пребывающим и живущим Христа, о тех говоришь ты, что они обольщаются в сердце своем сластью греховною. По таким словам твоим выходит, что Христос, Который греха не сотвори, ниже обретеся лесть во устех Его,

Он, вземляй грехи мира и избавляющий души, с Ним соединившиеся, от всякой страсти, сделался соучастником в грехе. Вижу, человече, что ты не понимаешь, что я говорю тебе, и сколь велика хула, тобою произносимая. Не трепещешь? Не заграждаешь себе уст рукою своею? Не учишь языка своего не говорить того, чего не испытал еще ты на деле, чего не познал умом своим, чего не видели очи твои и величия чего не принимало ухо твое? Не знаешь разве, что те, которые испытали это и делом и словом, смеются над тобою как над несмысленным, когда ты берешься говорить об этом, потому что говоришь все навыворот? Итак, если ты сподобился получить Божественную благодать, то учи свободно о том, что касается благодати, и богословствуй беспрепятственно о Боге по естеству и о сынах Божиих по благодати, говори и ты не запинаясь, что святые человеки суть рабы славы Божией. Если же исповедуешь – и хорошо то делаешь – что не получил ты такого дарования, не чувствуешь, чтоб умер ты миру, не сознаешь, чтоб взошел ты на небо и там укрывался один, не показываясь вне, если не исшел ты вовне мира, подобно Павлу, в теле ли или кроме тела, если не знаешь, что изменился весь и стал как дух чрез отложение и отвержение плоти, духовная духовными срассуждая – если, говорю, не сделался ты таковым, то почему не молчишь и не ищешь в покаянии и слезах получить и испытать сие, но охоч говорить попусту о том, чего не знаешь, любишь, чтоб тебя называли и без того святым, не поперечишь молве, будто ты

более, чем другие, спасен, не трепещешь принимать чужие помыслы, учить других и руководить их к свету, будучи сам лишен Божественного света, не боишься пасти братию, сидя сам еще во тьме и не стяжав еще того ока, которое видит истинный свет, не стыдишься врачевать других, будучи сам весь в болезни и не чувствуя собственных своих ран? Скажи мне, прошу тебя, если ты не сознаешь, чтоб был бесстрастен, и не чувствуешь, чтоб обитал в тебе бесстрастный Бог, то на что дерзая и полагаясь, взял ты на себя дела, свойственные бесстрастным, и служения, принадлежащие одним святым рабам Божиим? Внимай добре, чтоб, забывшись, не взойти на чужие степени и служения и после не быть изгнану во тьму кромешную как презрителю воли Божией и как дерзкому и непотребному рабу. Смотри, как бы не оказаться тебе не имеющим брачной одежды (которая не другое что есть, как благодать Святого Духа) и как обнаженному от нее не быть связану по рукам и ногам и ввержену в огнь геенński. Поостерегись браться пасти других, прежде чем стяжешь верным другом пастыря Христа, ибо ведай, что имеешь дать ответ не только за свое недостоинство, но и за разумных овец, которых погубишь по своей необученности и своей страстной жизни. Смотри, прошу тебя, не бери на себя чужих долгов, будучи сам должником, хотя бы то и небольшим долгом. Не дерзай давать кому-либо разрешение грехов его, если сам не стяжал еще внутрь сердца своего Вземлющего грех мира. Внимай, брате, чтоб не восхотеть судить

другого, прежде чем сделаешься верным судиею себя самого и исследователем собственных своих падений и прежде чем сам над собою произнесешь праведный приговор и воздашь должное правде слезами и плачем. И тогда уже, как освободишься от закона плоти и от смерти греховной и исполнишься Духа Святого, тогда соглашайся на поставление себя благодатию Божией в праведные судьи для суда над другими, яко рукоположенный на то от Бога благодатию Духа. Смотри, как никто из мирских начальников не дерзает восходить на степень судей, прежде чем будет определен на то царем. Если теперь в отношении к человеческим достоинствам соблюдается такой порядок и держится такой страх, чтоб как-нибудь не погрешить пред земным царем – то какое благоговение и какой страх должны мы держать в отношении к Божественному, чтоб не восходить саморукоположенно на достоинства Божии самим от себя и по человеческому суду, прежде чем призваны будем к тому от Бога, и чтоб не впасть за то в руки Бога живого? Вострепещи, человече, убойся долготерпения Божия и не покажись таким, что имеешь пред Небесным Царем и Богом меньший страх, чем какой мирские начальники имеют пред царем земным, или что нерадишь о богатстве благости и долготерпения Божия по славолюбию и властолюбию. Он есть Властитель всяческих и страшный Судия всех, воздающий каждому по делам его и по помышлениям сердца его. Почему как мирские власти приносят земному царю честь и страх, так и ты принеси небесному Царю и Богу

хотя такие же честь и страх, чтоб, почитая Его и боясь, таким образом мог ты соблюсти заповеди Его, а чрез такое соблюдение заповедей Его предуготовить себя самого к тому, чтобы сподобиться соделаться жилищем трисиянного света Его, как неложно обетовал Сам Он, говоря: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам.* И еще: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему пришедем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21, 23). Коль же скоро сделаешься ты таковым, то не будешь уже более жить для себя самого, но увидишь, что ты мертв для мира, как имеющий плоть свою мертвою и неподвижною на грех, жив же Богови, яко от Него действуемый и движимый. Увидев себя в такой славе, начнешь ты велегласно в радости душевной вопиять с божественным Павлом: благодарю Бога моего, что закон духа жизни о Христе Иисусе освободил меня от закона греховного и смерти. С этого момента и далее не будешь ты уже полагать различия мужеского лица и женского и не будешь подвергаться вреду от них, яко приявший то, что по естеству (введенный опять в состояние, свойственное человеку по естеству его), и не смотрящий более на творения Божии по естеству их, но, будешь ли находиться и беседовать с мужами или с женами, останешься невредимым и несдвигаемым с стояния твоего по естеству, смотря на них как на члены Христовы и храмы Божии. Но прежде чем достигнешь ты в такую меру и прежде чем уви-

дишь в членах своих животворную мертвость Иисус Христову, очень хорошо сделаешь, если будешь избегать лиц, причиняющих тебе вред, которые сами по себе, конечно, не имеют ничего худого и соблазнительного, но мы прельщаемся ими и по поводу их влекомы бываем к неуместным пожеланиям по причине живущего в нас первородного греха. Если будешь так поступать, то вся жизнь твоя будет безбедственна и ты не поткнешься никогда ногой твоей о камень греха – если, разумею, ты будешь иметь Бога в себе или будешь подвизаться стяжать Его с помощью Христа, Бога нашего, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, со Отцем и Всесвятым и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят четвертое

1. О бесстрастии и о дарованиях, каких мало-помалу сподобляются преуспевающие в нем.

2. В чем состоит совершенство духовного о Христе возраста?

1. Как тому, кто хочет чисто видеть свет солнца, надо иметь чистыми очи тела своего, так и тому, кто берется беседовать о бесстрастии, надо иметь очи души своей освобожденными от всякой злой похоти и всякого помысла страстного, чтоб, не будучи тревожим и возмущаем в уме никакою страстью, мог он чисто взирать на высоту и на глубину его или понять как следует многие и великие его дарования и действия и ясно изложить их в слове. Ибо если станет он говорить о его проявлениях и свойствах с умом возмущенным и сердцем нечистым, то, не смогши словом свободным раскрыть его действия, лишен будет и тех немногих благ его, какие, может быть, получил от него за то, что, действуя так, он некоторым образом презирает и бесчестит его и затмевает светлость его. Ибо написано: *имущему дано будет и преизбудет, от неимущаго же, и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25, 29). Которые имеют бесстрастие, те очевидно любят его и любимы суть от него преизбыточно, и когда ненасытно говорят о нем, делаются еще более бес-

страстными, воспламеняясь любовию, какую имеют к нему. Но которые привязаны и некоторым образом связаны еще хотя малейшею какою похотью мира и вещей мирских или какою-либо душевною или телесного страстью, эти далеки от него и много отдалены от пристани его. Почему когда начнут говорить о бесстрастии и покусятся возвести ум свой на высоту его, теряют и тот мир, который, как им думалось, имели они прежде, по той причине, что емлются, как рабы, и бывают влачимы туда и сюда похотью той страсти, к какой они прилепились. И это страждут они праведно, ибо, как говорит апостол, *имже кто побеждается, сему иработен есть* (2 Пет. 2, 19).

Они, однако ж, будучи омрачаемы в уме своем тою страстью, коей порабощены, вину омрачения не на себя самих возлагают, но дерзают слагать ее на бессилие всесильного бесстрастия, и это бывает с ними потому, что они совсем не познали опытно, каково умное чувство, созерцание и вседейственное действо сего бесстрастия, но, обдумывая относящееся к нему по своим мыслям и соображениям, при высоком мнении о своей внешней учености философствуют о нем иногда так, иногда иначе и истощаются в усилиях над тем, чего не знают. При всем том они никогда не согласятся исповедать или восчувствовать свою немощность, причиненную им неверием, нерадением и долговременною привычкой к страстной жизни, но утверждают, что и другие люди все подобны им и обладают теми же страстями. Ибо тще-

славие и зависть не позволяют им признать, что кто-либо другой выше их по добродетели и здравоумию.

Но богомудрые и духовные отцы не поступают таким образом и не идут против истины – не буди тебе сказать такую хулу на святых, а чем просветились в уме своем от блаженного бесстрастия и что познали прежде из опыта, то говорят и утверждают. Я же говорю дерзновенно то, чему сподобился научиться у сих отцов, чтоб не быть осуждену, подобно рабу, скрывшему талант. И так, как дают разуметь сказанные Христом Господом слова: *много званных, мало же избранных,* и: *в дому Отца Моего обители многи суть* – так и знайте все вы, что святых много, а бесстрастных немного и что в среде тех и других имеет место великое различие. Но внимайте добре в точный смысл того, что я буду говорить.

Иное есть бесстрастие души, иное – бесстрастие тела. Бесстрастие души освящает и тело; но бесстрастие тела, одно само по себе, не может полную доставить пользу тому, кто стяжал его. Иное есть недвижение (на худое) телесных (яже на земли) удов и самых страстей душевных, и иное есть стяжание добродетелей. Недвижение телесных (яже на земли) удов бывает от естества, а стяжание добродетелей – от произволения (при помощи благодати), и оно обыкновенно совсем пресекает все естественные движения. Иное есть непохотение ничего из того, что есть приятного и радостотворного в мире, и иное – возжелание небесных и вечных благ, ибо мирское приятное и радостное презирали и другие люди

(не ревнующие о спасении), и большая из них часть по другим причинам (не в видах спасения), а о благах вечных весьма немногие воспринимали попечение. Иное есть неискание славы от людей, и иное есть возлюбление славы от Бога и всегдашнее ее искание, ибо человеческую славу очень многие ненавидели, потому что были обладаемы другими страстями, а славу, яже от Бога, очень немногие сподобились получить со многим трудом и потом. Иное есть довольствоваться бедною одеждою и не желать богатой, и иное – искать того, чтоб быть одеяну светом Божиим, ибо богатое одеяние презирали многие, потому что были влачимы многим множеством других пожеланий, а Божественным светом одеялись только те, кои сподобились соделаться сынами света и дня.

Иное есть говорить смиренные слова, и иное – иметь смиренное мудрование. Иное опять есть смирение, а иное – цвет смирения, и иное – плод его. Иное есть красота плода его, а иное – сладость его, и иное – действия, бывающие от плода сего. Из этого, сказанного мною о смирении, иное есть в нашей, а иное – не в нашей власти. В нашей власти – помышлять о том, что располагает нас к смирению, мудрствовать о том, рассуждать, говорить и то делать, но само святое смирение, с его существенными свойствами, дарами и действами, не в нашей власти, но есть дар Божий, чтоб не вздумал кто хвалиться даже и этим.

Иное есть не печалиться и не гневаться при бесчестиях, поношениях, искушениях и встречающихся прискорбно-

стях, и иное – желать этого с благодарением, когда случится что такое. Иное опять есть – молить Бога о тех, кои причиняют это, иное – прощать им, иное – любить их от всей души как благодетелей, и иное – напечатлевать в уме лица каждого из них и целовать их бесстрастно, как искренних друзей своих, со слезами чистой любви – так, чтобы на душе не было совершенно никакого знака оскорбления или страсти. Большее из всего сказанного есть, когда кто в самое время искушения таковое же имеет расположение и к тем, которые поносят его в лицо или клевещут на него, и ко всем другим, кои или осуждают его, или презирают и ставят ни во что, или плюют в лицо, еще и к тем, кои по видимости притворяются друзьями, а тайно так же действуют против него, как и сказанные пред сим, и это не утаивается от него, но он то знает. И из этого опять высшее и совершеннейшее без сравнения есть, мне кажется, то, если кто совсем забывает претерпенные искушения и никогда не вспоминает тех, кои его опечалили или как-нибудь обесчестили, ни когда они бывают налицо, ни когда отсутствуют, но имеет и их наравне с друзьями своими без всякого различения, сколько когда беседует с ними, столько же и тогда, когда вкушает вместе с ними пищу. Все это суть дела и совершенства мужей, ходящих во свете. Которые же чувствуют, что они далеки от таких порядков и правил жизни, те пусть не обольщаются и не обманывают себя, но да ведают наивернейше, что они ходят во тьме.

Иное опять есть бояться Бога, и иное и исполнять запове-

ди Его, как написано: *бойтеся Господа, вси святии Его* (Пс. 33, 10), и еще: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). Иное есть бездействие (упразднение от дел), а иное – безмолвие, и иное опять молчание. Иное есть удаление и преселение с одного места на другое, и иное – странничество. Иное есть негрешение, и иное – делание заповедей. Иное есть противиться врагам и бороться с ними, и иное – победить их окончательно, покорить и умертвить: первое есть дело подвизающихся и святых, ревностно идущих к совершенству, а второе есть дело бесстрастных и совершенных, которые многими трудами и потами победили врагов своих вконец и украсились, как какой блестящею одеждою, живоносной мертвостью Христовой.

К достижению показанных совершенств многие устремлялись одни для одной, другие для другой цели. Но весьма немногие приступали к сему с истинным страхом Божиим, с любовию искреннею и верою несомненною – которые одни, спомоществуемы будучи благодатию Божиею, скоро навыкают деланию заповедей и преуспевают во всех сказанных выше отличиях, каждочасно возрастая в добродетелях. Другие же оставляются блуждать, как в непроходной (бездорожной, судя по слову псалма 106, 40: по непроходней, а не по пути) пустыне – о каковых написано: *отпустих я по начинаниям сердец их, пойдут в начинаниях своих* (Пс. 80, 13). *И якоже не искусиша имети Бога в разуме,* (сего ради) *преда де их Бог в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 28).

Итак, те, которые на камне послушания святым отцам положили доброе основание веры и надежды со страхом и трепетом, и на сем основании устрояют верность заповедям, какие дают им духовные отцы, соблюдая их, как бы их налагал на них Сам Бог – такие тотчас преуспевают в отвержении себя. Творить не собственную свою волю, но волю духовного отца своего, по заповеди Божией, и таким образом упражняться в добродетели – сие порождает не только отвержение себя самого, но и умертвие всему миру. Потом, когда выйдет таковой всем чувством души из мира и станет быть вне его, как в пустыне, тогда овладевается страхом и трепетом неизъяснимым и начинает вопиять к Богу из сердца, как вопиял Иона из утробы кита морского, Даниил – из рва львиного, три отрока – из пещи пламенной, Манассия – из среды медного быка. Сии болезненные и скорбные стенания его и глас молитвы его тотчас услышав, Господь Всеблагий, живот Свой давший на смерть за нас, грешных, извлекает его, как извнутрь кита, из бездны неведения и омрачения, наводимого миролюбием, чтоб он не возвращался более туда, ни даже помыслом – освобождает его, как из рва львиного, от злых похотей, кои похищают и снедают души человеческие, и как из пещи огненной, от страстных влечений, кои господствуют во всех людях, жгут нас, как огонь, растлевают нас, с насилием тянут к неуместным деяниям и возжигают пламень страстей внутрь нас. От всего этого, говорю, Господь освобождает его, орошая его благодатию Святого Духа и делая

его чрез то неопалимым – освобождает, как извнутрь медного вола, от этой плоти земляной, тяжелой и страстной, в которой живущая душа наша бывает совсем неподвижна и неохоча ни на какую добродетель и делание заповедей Божиих, будучи крепко держима, туго вяжема и тяготима сею плотию как естественно соединенная с нею. Когда таким образом душа освободится от тиранства плоти (не говорю – отделится от тела чрез смерть его), тогда и она начинает взывать с пророком, говоря: *растерзал еси вретище мое, и препоясал мя еси веселием: яко да воспоет Тебе слава моя*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.